

О СВОБОДЕ

С портрета странно женщина смотрела.
Так долго, так пронзительно-светло,
что пытку этого костра, расстрела
хотелось длить, как животворное тепло.

...Прожекты, приступы свободы, переезды.
В лесную глушь вело,
в безлюдье звёздных трасс,
но не слабело притяжение бездны,
открывшейся тогда в мерцанье глаз.

И сдался:
ходит же экспресс и есть билеты...
Была стена не то чтобы пуста,
но не смотрела женщина с портрета.
Записка под стеклом, — в Париже
взиравшая с холста.

И уходил — в тоске по той, с картины,
роняя взгляд с портретов на паркет.
И вновь бесстыдно, в наготе,
предстала Фрина —
гречанка дивная. И тоже — свет.

Свет от неё,
но не глубинный: взгляд безвреден,
и даже пустота сквозила в нём. —
Лишь праздник тела, убеждённого в победе.
Но всё смотрел, смотрел...
и понял: полонён.

Что живопись?! — и в жизни так же,
разинешь рот — и дёготь пьёшь как мёд...
Кто ослеплён — не разберёт:
весна блистала ли, блесна ль блестела.
Свободы не было и нет,
ведь женщина своё возьмёт,
привяжет, — не душой, так телом.